

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

И. В. Стеблева

**ПРЕОДОЛЕНИЕ
ТРАДИЦИОННОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ НОРМЫ
В ГАЗЕЛИ БАБУРА**

В «Бабур-наме» в рассказе о событиях зимы 912 г.х. (1506—1507 гг.) Захираддин Мухаммад Бабур сообщает о сочинении следующего стиха (букв. матла¹):

چرخ نينك مين كورماكان جور و جفاسى قالدیمو
خسته كونكلوم چيكمكان درد و بلاسى قالدیمو¹

«Остались ли [еще] обиды и притеснения судьбы (небосвода),
Остались ли [еще] горе и несчастье, которых я бы не испытал?
Остались ли [еще] горе и несчастье, которых не перенесло бы
мое измученное сердце?»

Бейт написан метром рамал-и мусамман-и махзӯф по формуле:

فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن فاعلاتن
— — — | — — — | — — — | — — — | — — —

В бейте рифмуются слова: *جفاسى* — *بلاسى*, слово *قالدیمو* является редифом. Оба полустишия содержат поэтическую фигуру мура'ат ан-назир (букв. парная симметрия), т. е. употребление в бейте однородных предметов или понятий, близких по смыслу: *جور و جفاسى* («обиды и притеснения») в первом полустишии и *درد و بلاسى* («горе и несчастье») во втором полустишии.

Каждое полустишие бейта представляет собой законченное предложение в форме риторического вопроса. Все смыс-

¹ Бабур-намэ или Записки Султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань, 1857, с. ۲۴۴.

ловые сегменты обоих полустиший строго параллельны друг другу. Делается это следующим образом. Риторический вопрос помещается в реди́ф (قالديمو «остались ли»), который, согласно правилам поэтики, должен иметь одинаковое смысловое значение и одинаковый звуковой состав (при равнозначной ритмической позиции) на протяжении всей поэтической формы. Поставив риторический вопрос в реди́ф, Бабур сделал его (реди́ф) важным смысловым элементом, связующим бейт в семантическом и звуковом отношениях. Основная смысловая нагрузка в обоих предложениях лежит на рифмующихся словах, следовательно, в рифме участвуют не случайные подобозвучающие слова, а слова, соотнесенные семантически. Смысловое значение рифмующихся слов усилено употреблением в каждом полустишии в ритмически эквивалентной позиции поэтической фигуры мура'āt ан-назир, т. е. добавлением слов, близких по значению: درد و بلاسی — جور و جفاسی («обиды и притеснения» — «горе и несчастье»). Поскольку оба предложения представляют собой однотипные синтаксические конструкции, им присущ параллелизм грамматических форм между парно соотнесенными частями первого и второго полустиший, обладающими также ритмической эквивалентностью: چيکماکان — کورماکان («которых [я] бы не испытал» — «которых не перенесло бы»). Следовательно, изометрические части полустиший образуют соотнесенные в фонетическом отношении пары слов, причем степень звукового подобия убывает от концов предложений (реди́ф, рифма) к их началам. Наименьшая фонетическая тождественность характерна для первых смысловых сегментов обоих полустиший, хотя и здесь сохраняется смысловая параллель: خسته کونکلوم — مين («я» — «мое измученное сердце»). Наконец, в самом начале бейта стоит слово چرخ نينک («небосвода, судьбы»), которое грамматически является определением к рифмующимся словам с их добавочной нагрузкой (в виде поэтических фигур). Таким образом в коротком бейте Бабур использовал все виды поэтической эквивалентности: синтаксическую, грамматическую, фонологическую, ритмическую, достигнув эвфонической и ритмической соотнесенности обоих полустиший. При этом следует подчеркнуть, что все разнообразные элементы эвфонии подчинены семантике бейта.

На содержательную сторону интересующего нас стиха заставляет обратить внимание и то место, которое уделено ему в «Бабур-наме». Упоминание об этом бейте содержится среди подробного описания перехода Бабура с отрядом из Герата в Кабул зимой 912 г. х. Из Герата Бабур вышел 7 ша'бана (23 декабря 1506 г.), поход продолжался по рамазан (15 января —

13 февраля 1507 г.). Как сообщает Бабур, переход из Герата в Кабул зимой был вынужденным и связан с большими трудностями из-за обилия снега, бездорожья и малоизвестной местности, по которой продвигался отряд. Снега было так много, что он оказывался выше стремян, а ноги коней зачастую не доставали до земли. По настоянию одного из своих приближенных Бабур решил идти более короткой, но менее известной и трудной дорогой. Проводник сбился с пути, и Бабуру в конце концов пришлось вернуться и ожидать новых проводников, за которыми были посланы его люди. Проводников не оказалось, и тогда, положившись на милость бога, Бабур с войском снова двинулся вперед той же дорогой. «В эти несколько дней,— пишет Бабур,— было испытано много тревог и мучений, столько, сколько не было испытано за всю жизнь»². Далее следует указание: «По этому поводу (курсив мой.— И. С.) сказан такой стих (матла')»³ — и приводится уже известный нам бейт. После этого Бабур снова возвращается к описанию похода. Чтобы расчистить дорогу, сам Бабур и около двадцати его приближенных и нукеров по очереди шли впереди отряда и утаптывали снег, проваливаясь в него по пояс или по грудь. Затем вслед за людьми протаскивали одну за другой их лошадей, которые тоже проваливались в снег по стремяна или по брюхо. Остальной отряд продвигался вперед по этой расчищенной и утопанной дороге. Таким способом Бабур с отрядом шел около недели, пока его не остановила сильная метель. После подробного описания борьбы с метелью Бабур рассказывает о том, как они снова двинулись вперед, утаптывая снег, достигли перевала и спустились в долину. Той же ночью ударил сильный мороз, и несколько его людей сильно поморозились. Глубокий снег, затруднявший движение отряда, и жестокий холод были почти на всем протяжении пути до Кабула. «За всю жизнь редко приходилось видеть такой холод»⁴, — пишет Бабур.

Эти сведения из «Бабур-наме» со всей очевидностью показывают, что жалобы на «обиды и притеснения судьбы», «горе и несчастье», которые перенесло «измученное сердце», в приведенном бейте вполне обоснованны и реальны. Помимо эпизода перехода из Герата в Кабул через заснеженную местность здесь можно видеть также отражение настроений Бабура, связанных с другими превратностями его судьбы: многолетней борьбой за сохранение власти в отцовском уделе, войнами с Шейбани-ханом, завоевательными походами (бейт написан после покорения Афганистана в 1504 г.).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 400.

Обращает на себя внимание тот факт, что Бабур, упоминая об этом бейте, называет его матла⁵ (начальный бейт газели), хотя не сообщает о написании самой газели. В парижской рукописи Дивана Бабура, изданной А. Н. Самойловичем, обнаруживается газель, имеющая этот начальный бейт⁵:

جرخ نينك مين كورماكان جور و جفاسى قالدیمو
 خسته كونكولوم جيكماكان درد و بلاسى قالدیمو
 مینى خوار ایتى وقیلدی مدعینى⁶ پرورش
 دهر دون پرور نينك⁷ اوزكا مدعاسى⁸ قالدیمو
 مینى اولتوردی جفا و جور بیرله اول قویاش
 ایمدی تیرکوزماک اوجون مهر و وفاسى قالدیمو
 عاشق اولناج کوردوم اولومنى اوزومکما ای رفیق
 اوزكا كونكولوم نينك بو عالمدا هراسى قالدیمو
 ای كونكول کر بابر اول عالمنى ایستار قیلما عیب
 تینکری اوجون دی بو عالم نينک صفاسى قالدیمو

- (1) Остались ли [еще] обиды и притеснения судьбы (небосвода),
 которых я бы не испытал?
 Остались ли [еще] горе и несчастье, которых не перенесло бы
 мое измученное сердце?
- (2) Меня унизила, а соперника (противника) взлелеяла.
 Остались ли [еще] другие притязания у покровительствующего
 злу времени?
- (3) Это солнце меня убило притеснениями и обидами.
 Остались ли [еще] у него любовь и верность, чтобы оживить
 меня теперь?
- (4) О друг, с тех пор как я стал влюбленным, я узрел для себя смерть.
 Остались ли [еще] в этом мире другие тревоги для моего сердца?
- (5) О сердце, не укоряй, что Бабур жаждет того мира,
 [ибо] осталась ли [еще] радость в этом мире, скажи, ради бога!

⁵ А. Н. Самойлович. Собрание стихотворений императора Бабура. Пг., 1917, с. 21, № 47. Текст газели, приведенный ниже по этому изданию, дается с поправками, учитывающими издание М. Ф. Кёпрюлю по рукописи Стамбульского университета («بابر شاه» ك شعرلى، — مى تتبعلر مجموعهسى،) (استانبول، 1331، جلد: 1، صابى: 2، ص 246) и по рукописи «Трактата об арузе» (Захир ад-Дйн Мухаммад Бабур. Трактат об 'арүзе. Факсимиле рукописи. Издание текста, вступительная статья и указатели И. В. Стеблевой. М., 1972, с. 266 л. 1306).

⁶ Самойлович: مدعیغا

⁷ Самойлович: دون پرورنى

⁸ Кёпрюлю: ادعاسى.

Как видно из текста, газель состоит из пяти бейтов, написана тем же размером, что и бейт, приведенный в «Бабур-наме», имеет тот же редиф. В рифму в соответствии с рифмующимися словами начального бейта добавлены слова: مدعاسی — صفاسی — هراسی — وفاسی.

Согласно традиции лирического жанра темой газели являются перипетии любовных переживаний лирического героя. Логическая модель текста газели предполагает реализацию основной оппозиции: я — красавица (возлюбленная), которая в той или иной газели может иметь конкретизацию: я — ты, я — она. В силу жесткости требований средневековой поэтики данная газель также должна была соответствовать нормативам построения произведения в традиционном жанре. Поэтому смысловое содержание бейта, приведенного в «Бабур-наме», чтобы стать уместным в газели, должно было получить соответствующие развитие и переосмысление. Выявить их представляется интересным как в целях анализа предполагаемого хода художественного творчества автора, так и в более общих целях исследования автоматизированной традицией взаимной связи лирической темы и жанра.

Мотив обиды лирического героя прослеживается во всех пяти бейтах газели и является семантическим инвариантом данного текста. Определение его места в структуре газели не представляет труда, так как Бабур сознательно прибегнул к необходимым приемам поэтической техники и акцентировал этот мотив с помощью риторического вопроса в редифе:

«Остались ли [еще] обиды и притеснения судьбы (небосвода), которых я бы не испытал?» (первое полустишие бейта 1):

«Остались ли [еще] горе и несчастье, которых не перенесло бы мое измученное сердце?» (второе полустишие бейта 1);

«Остались ли [еще] другие притязания у покровительствующего времени?» (второе полустишие бейта 2);

«Остались ли [еще] у него любовь и верность, чтобы оживить меня теперь?» (второе полустишие бейта 3);

«Остались ли [еще] в этом мире другие тревоги для моего сердца?» (второе полустишие бейта 4);

«... осталась ли [еще] радость в этом мире, скажи, ради бога!» (второе полустишие бейта 5).

Появившись в матла', мотив обиды в дальнейшем связал весь текст газели в единое целое. Однако если в первом бейте герой обижен жестокостью судьбы, то во втором бейте мы находим вариантное отклонение: герой обижен жестокостью красавицы (возлюбленной), что следует из сказанного в первом полустишии бейта: «Меня унизила, а соперника (противника) взлелеяла». Вместе с тем употребление антитезы «я — соперник

(противник)» без конкретизирующего указания на идеал любви делает это полустиише двузначным, так как можно считать, что и здесь речь идет о несправедливой судьбе или о «покровительствующем злу времени» (второе полустиише бейта 2).

Первое упоминание об идеале любви, дающее возможность проявиться в данной газели основной оппозиции: *я — красавица (возлюбленная)*, конкретизированной в противопоставлении: *я — она*, появляется только в третьем бейте: «Это солнце меня убило притеснениями и обидами» (первое полустиише), где *اول قوياش* («это солнце») — метафорическое обозначение красавицы (поэтическая фигура исти'āra — метафора). Чтобы указать на то, что лирический герой газели озабочен именно взаимоотношениями с возлюбленной, и тем самым нивелировать самостоятельное смысловое значение начального бейта (матла'), Бабур в обоих полустиишах третьего бейта снова употребляет, так же как в матла', поэтическую фигуру мурā'āt ан-назйр (парная симметрия). При этом осуществляется двойная параллель между первым полустиишем первого бейта: *جور و جفا* («обиды и притеснения») и первым полустиишем третьего бейта: *جفا و جور* («притеснения и обиды») и вторым полустиишем первого бейта: *درد و بلاسى* («горе и несчастье») и вторым полустиишем третьего бейта: *مهر و وفاسى* («любовь и верность»). Реализовав необходимую по традиции для жанра газели основную оппозицию: *я — красавица (возлюбленная)* и осуществив смысловой скреп третьего бейта с первым в целях указания на ее главенствующее значение в газели, Бабур одновременно с этим добился эффекта обратной связи. Благодаря эквивалентности поэтической структуры обоих полустиишей начального бейта второму полустиишу третьего бейта риторический вопрос, адресованный «этому солнцу»: «Остались ли [еще] у него любовь и верность, чтобы оживить меня теперь?», воспринимается и как соотнесенный с «покровительствующим злу временем» во втором бейте и с жестокой, несправедливой «судьбой (небосводом)» в первом бейте. Следовательно, смысловое значение начального бейта, не исключая возможности реализации основной оппозиции текста, оказывает подавляющее влияние на восприятие содержания исследуемых бейтов.

Логический ход мысли автора, направленной на последовательное раскрытие темы газели, приводит к необходимости создания высшей точки смыслового напряжения газели в плане реализации основной оппозиции текста. Поэтому в четвертом бейте впервые снимается двузначность смысла, которую мы видели в двух предыдущих бейтах. Сказав о смертельной влюбленности лирического героя в первом полустииши

бейта: «О друг, с тех пор как я стал влюбленным, я узрел для себя смерть», Бабур полностью связал это полустышие со вторым указанием на то, что «другим тревогам» для сердца героя уже нет места: «Остались ли [еще] в этом мире другие тревоги для моего сердца?» Таким образом, четвертый бейт газели целиком подчинен необходимости реализации основной оппозиции жанра газели: *я — красавица (возлюбленная)*.

Пятый, последний бейт газели завершает логический ход мысли автора и показывает невозможность разрешения основной оппозиции текста, выразившуюся в приятии лирическим героем своей участи: «О сердце, не укоряй, что Бабур жаждет того мира...» (первое полустышие), одновременно с этим второе полустышие газели снова возвращает нас к мотиву обиды героя на жестокую судьбу: «...[ибо] осталась ли [еще] радость в этом мире, скажи, ради бога!» Употребив в пятом бейте антитезу «тот мир — этот мир», Бабур поставил его в связь с четвертым бейтом, где говорится о возможности смерти героя от любовных страданий. Вне этой связи содержание бейта воспринимается как соотнесенное с первым, начальным бейтом газели. Таким образом пятому бейту была возвращена двусмысленность смысла, утраченная в четвертом бейте.

На основании сказанного легко убедиться в том, что мотив обиды героя, являющийся семантическим инвариантом текста, содержится в обоих полустышиях начального бейта (магла') и затем во всех вторых полустышиях. Первые полустышия второго, третьего, четвертого и пятого бейтов непосредственно посвящены раскрытию темы взаимоотношений лирического героя со своей избранницей, осуществленному последовательно от бейта к бейту: (она) меня унизила (бейт 2) — (она) меня убила притеснениями и обидами (бейт 3) — став влюбленным, я сам увидел свою смерть (бейт 4) — я сам жажду того мира (бейт 5).

Семантический анализ газели Бабура, установление соотношения всех смысловых элементов текста приводят к выводу, что традиционная тема любовных переживаний лирического героя в данной газели Бабура абсолютно условна и подавляется мотивом обиды героя на свою трудную судьбу. Необходимо сказать, что жалобы на этот мир, это время, эту эпоху, судьбу (небосвод) также традиционны для жанра газели, но обычно они подаются сквозь призму взаимоотношений лирического героя со своей возлюбленной и не имеют самостоятельного значения. В данной же газели произошло включение основной оппозиции жанра газели: *я — красавица (возлюбленная)* в более широкую оппозицию: *я — мир*.

Таким образом, на примере анализируемой газели можно увидеть, как поэт, стараясь тематически следовать правилам традиционной поэтики, нарушение которых воспринималось бы

как недостаток произведения, попытался сказать нечто большее, чем требовалось в канонически построенной газели. Конечно, мы не знаем, была ли написана эта газель сразу после начального бейта (маџла'), упомянутого в «Бабур-наме», содержание которого имело под собой совершенно реальную почву, или по прошествии какого-то времени. В любом случае кажется безусловно очевидным, что при создании данной газели Бабуром владели чувства, пережитые им во время перехода из Герата в Кабул зимой 912 г. х. (1506—1507). Впечатления от этого перехода или память о нем оказались настолько сильны, что подчинили себе раскрытие традиционной темы в газели. Упоминание Бабуrom начального бейта (маџла') в соответствующем месте «Бабур-наме» дало редкую возможность заглянуть в глубины эмоциональных связей канонически построенного произведения с реальной жизнью.